

АНДРЕЙ
ДУБРОВСКИЙ

Петербургские народные сказки

Андрей Дубровский

Петербургские народные сказки

«Алетейя»

Дубровский А.

Петербургские народные сказки / А. Дубровский — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-78-2

Эта книга – попытка создания мифологии Петербурга. Реальные места (Адмиралтейство, Невский проспект, Чёрная речка, дворы-колодцы...) и реальные персонажи петербургской истории (Пётр I, Достоевский, Менделеев...) вплетены в фантастические сюжеты (неграмотные наводнения, изгоняющие неугодных градоначальников; лешие, водяные, боли-бошки, пытающиеся помешать царю Петру прорубить Невский проспект сквозь дремучий лес; своенравные отражения рек и каналов...).

ISBN 978-5-907189-78-2

© Дубровский А.

© Алетейя

Содержание

Полуденная пушка	5
Неостановимые куранты Петропавловского собора	6
Заморский Петербург	8
Уникальная река Нева	9
Река-граница	11
Спор Петра с Посейдоном	12
Спор царя Петра с королём Карлом, или Как Петербург стал столицей России, находясь на территории врага	13
Бес-насмешник	14
Петербургское небо	15
Город-солнечные часы	16
Как петербургские шпильки небо всё время протыкали	17
Как Невский проспект сквозь лес прорубали	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дубровский А. В. Петербургские народные сказки

Полуденная пушка

Всем петербуржцам известно, что пока не выстрелит пушка со стены Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, полдень в Петербурге не наступит. Был, правда, один градоначальник, одержимый бессмысленной вредностью, который изо дня в день разными хитростями задерживал полуденный выстрел, и будь его воля, так и вовсе отменил бы его. И что же? Умер этот непутёвый градоначальник от несварения желудка и хронического недосыпания. Потому что нельзя просто так человеку, пусть и могущественному, вторгаться в петербургское мироустройство: не может желудок на ночь глядя переварить сытный обед, а организм не способен изо дня в день засыпать под утро. А именно то и происходило, что весь распорядок дня шёл кувырком. И благо бы только себе навредил этот глупый градоначальник. Так нет же! После того как его не стало, долго ещё спасательные команды бродили по городу и приводили в чувство петербуржцев, вконец потерявших ориентацию во времени и беспомощно бродивших по городу, не понимая, чем сейчас следует заниматься. А многие и вовсе валялись штабелями на набережных да в придорожных канавах, поражённые хронитом – тяжкой хворью безвременья.

Но возвратимся к полуденному выстрелу.

Что интересно, петербургский полдень не терпит никакой подмены – ему непременно подавай одну и ту же пушку каждый день! И хотя со времён первого выстрела артиллерийское искусство изрядно продвинулось, в полдень стреляет всё та же пушка, которая этот первый выстрел когда-то сделала.

А чтобы никакого конфуза с полднем в городе больше не случилось, служба пушки состоит исключительно из генералов, полковников да отличников артиллерийских училищ.

Неостановимые куранты Петропавловского собора

Петропавловский собор – самое высокое в Петербурге здание. Но это не единственное, чем может похвастаться собор. Историю про ангела, водружённого на шпиле, я расскажу в своё время. А здесь поведаю про удивительные часы – куранты – показывающие время почти с самого основания города.

Было это ещё в первые годы существования Петербурга, когда на месте блистательных дворцов тревожно шумел дремучий бор, а оживлённый Невский проспект напоминал просёлочную дорогу в Тамбовской губернии.

Новый город, подобно младенцу, постоянно требует к себе внимания – в заботах о нём основатель проводит каждое мгновение своей жизни. Одной из многочисленных проблем новорождённого Петербурга было отсутствие главных часов. В каждом доме более-менее состоятельного человека, конечно же, часы имелись. Но все они гремели, звенели, трещали, кукарекали, возвещая очередной наступивший час, в разное время. Общепризнанного эталона в городе не было. Этим эталоном могли бы стать часы царя Петра: не говоря о том, что он царь, а значит самый главный, он ещё и основатель Петербурга – какое время хочет, такое и устанавливает. Но, к несчастью, царские часы сломались, а царь, в свойственной ему манере, непременно хотел починить их сам и для этого изучал часовое дело у знаменитых мастеров-швейцарцев. Одним словом, единого времени не было, отчего конфузы случались на каждом шагу: на ассамблеи каждый приходил в своё время, и трезвые нещадно перемешивались с пьяными – а это всё равно, что иностранцы, не понимающие языка друг друга. На заводах и верфях творился полный вверхтормашный кувырком! В Адмиралтействе с помпой спускают на воду фрегат, а он ещё даже не заложен. На литейном заводе отливают целую батарею пушек, а они пока даже не нужны артиллеристам.

Но однажды в город неведомо откуда явился механик и чародей Бернард. Сам он утверждал, что прибыл из Швейцарии, но, судя по акценту, был он самым что ни на есть голландцем. И вот, этот Бернард явился к царю и объявил, что может изготовить общегородские часы и установить их на самом высоком здании города – на Петропавловском соборе.

Обрадовался царь, а вместе с ним и все придворные: мол, наконец-то заживём, как немцы – по распорядку. А от распорядка, глядишь, и порядок появится. Спрашивают Бернарда, какую он награду желает. А тот и отвечает:

– Хочу, чтобы и царь Пётр, и вельможи, и народ отказались от веры православной и обратились в протестантизм.

Тут все как загалдели, завозмущались:

– Да как это возможно?! Да где это видано?! Да такого даже в сказке не бывает! Лучше мы без времени проживём, чем без веры своей православной!

Уж как Пётр сам ни питал симпатий к протестантизму, как царь ни был самодержавен, но понимал: никакой его воли, никакой самодержавности не хватит, чтобы переломить мнение своих подданных, и желание Бернарда выполнить. Хоть весь народ переказни и один в государстве останься.

Начали тогда с колдуном торг вести. Три дня и три ночи торговались, наконец договорились, что один только царь в протестантизм перейдёт. Да и то вельможи согласились с этим лишь после того, как Пётр им на ухо хитрость одну сказал.

А хитрость вот какая. Был в Адмиралтействе один сапожник... А как же? Думаете, в адмиралтействах одни плотники, кузнецы, тиммерманы да драфцманы работают? А кто им обеды готовит, заплатки на одежду ставит, обувь прохудившуюся чинит? Да, есть в адмиралтействах и повара, и портные, и сапожники.

Так вот, был в Адмиралтействе один сапожник, звали его Пётр. Был он хмельному богу Дионису лучший друг, а то и вовсе младший брат – пить страсть как любил. И вот, приходит к нему депутация во главе с царём и предлагает на день профессиями поменяться: царь Пётр станет сапожником, а сапожник Пётр – царём. И, главное, Петру-сапожнику в должности царя ничего делать не понадобится: знай себе, сиди на троне да важно щёки надувай. И пей сколько влезет. Пётр-сапожник, не будь дураком, смекнул, что за просто так побыть царём, хоть и на день, не предлагают. И говорит, что согласен на обмен, если ему за это пообещают дать сапожки сафьяновые да кафтан парчовый. И ещё чтобы бесплатная водка в каждом кабаке ему была по первому требованию. Сколько захочет. Пожизненно.

Подивился царь такой дерзости, незнамо откуда взявшейся. Да только времени мало было, махнул рукой и пообещал, и указ соответствующий подписал.

На следующий день приходит Бернард во дворец, а там на троне вместо царя Петра какое-то мурло незнакомое сидит и ухмыляется. Понятное дело, часовых дел мастер негодовать принялся. Тут-то ему всё и разъяснили: мол, вот это на сегодняшний день и есть самый что ни на есть царь – сказано же было, что в протестантизм следует обратить русского царя, а какого конкретно – о том не уговаривались; так что, мил человек, вот тебе царь – перекрещивай его в протестанта.

Понял Бернард, что его обманули, осерчал, ударился оземь и принял своё истинное обличье – стал настоящим голландцем. Потом расхохотался по-голландски и хотел было исчезнуть в клубах дыма – в лучших традициях голландской готики. Да только ему быстро напомнили об обещании изготовить часы на Петропавловском соборе. Делать нечего, пришлось Бернарду браться за дело. Ведь для голландца не выполнить обещание или договор – это хуже испанской оккупации.

Сделал Бернард куранты на славу – ничто и никто не могли их остановить: ни семь дюжих молодцов, ни жестокие осады, ни глупые градоначальники. Только мастер отомстил Петру за его хитрость – сделал мелодией курантов гимн Швеции, заклятого врага русского царя. Долго потом мучились русские мастера, чтобы переделать мелодию, только очень уж механизм оказался хитроумным: только мастера поймут, как можно изменить мелодию, механизм, глядь, и меняет свой алгоритм. Поняли русские мастера, что им самим не справиться с хитроумными курантами Бернарда, и изобрели Левшу – мастера на все руки. Но как-то кривовато Левшу сделали, и поначалу он всё не тем занимался: то блоху подкуёт, то кузнечнику попонку сошьёт, то дуду заслышит и в пляс пускается. Наконец, довели Левшу до ума – в школе-университете выучили – и к курантам привели. Левша быстро смекнул, в чём дело, и шведский гимн заменил на «Боже, царя храни».

Но до сих пор не понятно, почему голландец Бернард выдавал себя за швейцарца? Главное, чего боялся-то? Ведь царь Пётр очень даже любил этот народ. Да только кто их разберёт, голландцев этих.

Заморский Петербург

Петербург – город привозной. От начала до конца, сверху донизу, от центра до окраин. В Петербург привозят всё: материалы для строительства дворцов и хижин; людей всех профессий и национальностей; флору и фауну для садов и зверинцев; идеи, прогрессивные и консервативные; погоду с тусклым летним солнцем, осенним листопадом (который ярче петербургского летнего солнца), мокрым снегом в декабре и наводнениями в ноябре.

Можно ещё понять идеи и людей – и правда, откуда им взяться на пустом месте? Да и погода, если верить последним исследованиям учёных с Британских островов, приходит в какую-либо местность вслед за людьми. Но строительные материалы – камни, кирпичи, дерево? Ужель тоже все привозные?! Как же такое может быть? Неужели местность, на которой выстроен столь величественный город, представляет собой бесплодную пустыню, из которой для строительства нельзя исторгнуть даже песка?! Отнюдь. Места здесь изобилуют дремучими лесами, гранитными утёсами, песчаными берегами и прочими богатствами земли, которые умелый строитель может с величайшей пользой употребить в дело. Только эти богатства щедро рассылаются во все концы обширной Российской державы. Из местного леса, оказавшегося на удивление строевым, делают корабли на Азовском и Белом морях, что-то доходит даже до Тихого океана. Здешним гранитом облицованы стены крепостей от Смоленска и Азова до тех, что рассыпаны по бескрайним татарским степям да по дремучей сибирской тайге. Из какого же гранита тогда сделаны знаменитые петербургские набережные? Да из гранита, который добывают в самых дальних и глухих углах Карелии и Финляндии.

Что касается людей, то они, конечно, жили здесь и до основания города. Только после прихода сюда русских войск местные шведы собрались и уплыли за море, в Швецию. А те шведы, которые живут в Петербурге сейчас, уже много позже сюда приехали. Инграм, карелам, финнам, жившим тут испокон веков, ничего не оставалось, как раствориться среди прибывших сюда во множестве русских.

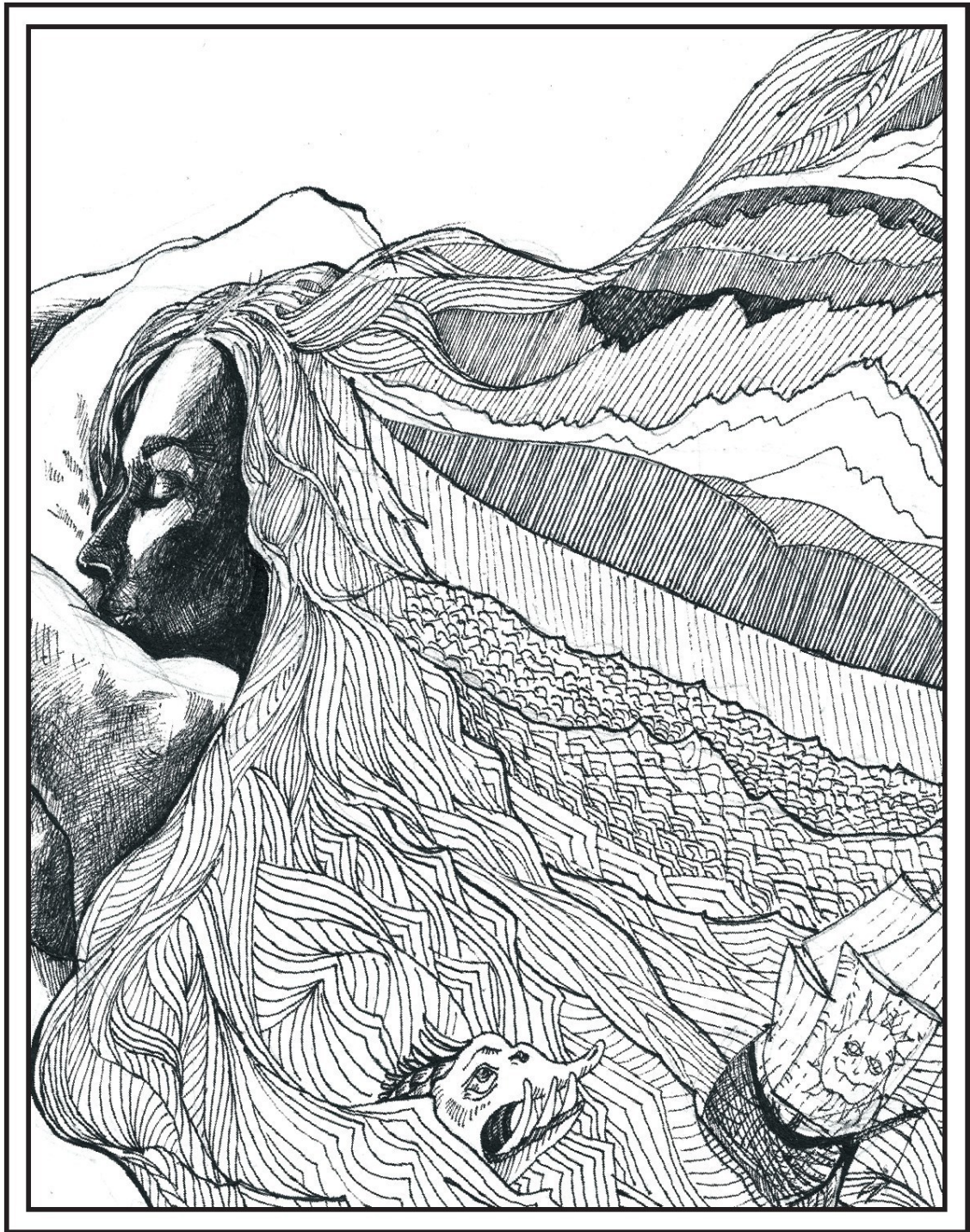
Оттого и русские, и иноземцы называют Петербург заморским городом – на что ни взгляни, всё из-за моря сюда прибыло. А кто в Петербург приезжал и ничего с собою не привозил, того, согласно царскому указу, в город вовсе не пускали.

Уникальная река Нева

Все знают, откуда берутся знаменитые реки – Енисей, Дунай, Ордеж, Висла, Нил, Печора, Амазонка, Вуокса, Хуанхе и все прочие: в далёкой сказочной стране Индии есть огромная гора; с этой горы сбегает в разные стороны ручейки – огромное множество их! Гору окружает дремучий лес – джунгля. Стекающие с горы ручейки бегут сквозь эту джунглю и постепенно становятся широкими, полноводными реками.

И только Нева не берёт начало с той далёкой индийской горы. Нева вообще нигде не является ручейком, даже в самом верхнем своём течении. Она сразу вытекает мощным потоком из Ладожского озера и бежит себе по равнине со скоростью неистовой горной речки. И врывается в мелкий Финский залив, буйным натиском освобождая его воду на много вёрст от соли.

Клеветники и завистники, желая побольнее уязвить петербуржца, злобно шипят, что у Невы и воды-то собственной нет – всё ладожская. Ну так и что?! Какого петербуржца это волнует? Словно Ладожское озеро для петербуржцев не такое же родное, как Нева. После этой отповеди клеветникам и завистникам только и остаётся, что убраться восвояси, скрежеща зубами в бессильной ярости.

Река-граница

Петербург делится на две части: южную и северную, Ингрию и Карелию. И хотя их разделяет лишь река Нева – широкая, но всё же река – части эти сильно отличаются друг от друга. И вот почему.

Давным-давно Нева была не рекой, а широким проливом. Даже не проливом, а продолжением Финского залива, который оканчивался в те времена там, где сейчас восточный берег Ладожского озера. И залив тот был намного шире нынешнего Финского.

Как и сейчас, на северном берегу залива жили карелы, на южном – ингры или, как их ещё называют, ижора. Северные народы, в отличие от южных, не склонны ни к путешествиям, ни к приёму заморских гостей. Но всё же время от времени случалось иным рыбакам – волею ли стихии или в поисках богатого улова – оказываться на противоположном берегу. Возвратившись, они, по обычаю всех моряков, рассказывали всякие небылицы про заморские земли. Только если в странах южных рассказы эти возбуждали интерес и энергию всё новых путешественников, то здесь, на севере диком, матросские басни, напротив, укрепляли местных жителей в убеждении, что путешествия вредны, а заморские народы враждебны и злокозненны.

Потом оба берега – карельский и ижорский – приблизились вплотную друг к другу (о причинах этого будет рассказано в своё время – *интригующ. примеч. автора*), и оба народа стали близкими соседями. Но дружнее от этого они не стали, скорее, наоборот. И это понятно – ведь ещё Тацит отметил, что никто так сильно не ненавидит друг друга, как соседи.

Спор Петра с Посейдоном

В древние времена эти места были дикими, и люди здесь не жили. Да и не могли они здесь жить, потому что это был край Земли, тут было безграничное глубокое море. Это была вотчина Посейдона. Морской бог любил наведываться в эти места и пировать со своей свитой на морских просторах, вдалеке от суетливого Средиземноморья и беспрестанно раздираемого скандалами Олимпа. Здесь, на далёкой северной окраине посеидоновой державы, ничто не мешало могучему богу и никто его не тревожил.

Так было до тех пор, пока не пришёл в эти края царь Пётр со своим войском. Зачем он тут появился – неизвестно. Официальная версия гласит, что он отвоёвывал эти земли у надменных шведов. Но едва ли эта версия правдоподобна: во-первых, шведы вовсе не были надменными; а во-вторых, шведы не лягушки и не тритоны какие-нибудь, в воде жить не могут, посему и отвоёвывать у них царь Пётр тут ничего не мог.

Истина же состоит в том, что когда царь Пётр с войском пришёл сюда, на край земли, в это же время здесь отдыхал Посейдон...

Нормальный человек с нормальным богом, может, и договорились бы полюбовно, но – что Посейдон, что Пётр – оба были упрямы, как ватиканские папы в период Вселенских соборов, и ни уступать друг другу эти земли, ни мирно сосуществовать не собирались.

Тогда Пётр с Посейдоном договорились решить дело спором: кто наиболее полезное дело для этих мест сделает – тот и победил. В судьи пригласили королеву английскую и китайского императора. Первую – за то, что она с одной стороны – человек, а с другой – владычица морей (после Посейдона, конечно – *излишн. примеч. автора*). Второго – за то, что он живёт далеко и оттого является стороной не ангажированной. Хотел Посейдон своего брата, могучего Зевса, в судьи пригласить, но тот в очередной раз поссорился с Герой и боялся отбытием на далёкий север вызвать у жены новую вспышку гнева.

Итак, состязание началось. Первым взялся за дело Посейдон – всё-таки он бог. Но по своей божественной логике он решил, что могущество и польза – это одно и то же. Поднял Посейдон огромную волну и смыл здоровенный кусок берега – продвинулось море ещё дальше на юг.

– Видали, какую пользу я сейчас сделал? – победно изрёк Посейдон.

– Какая же это польза?! – чуть ли не хором воскликнули оба судьи (совсем хором у них не получилось – языки всё-таки были разные).

– Это польза разве что для рыб и ракушек, – пояснил китайский император.

– Определённо, – согласилась британская королева. – Польза явно однобокая, для жителей земли таковой я не наблюдаю.

Тогда взялся за дело Пётр: стал он город строить. Разрастался город – отступала водная стихия. Вот уже вернул царь смытые посеидоновой волной земли, и уже новые куски суши из-под воды появлялись.

Судьи единодушно отдали победу царю Петру. Посейдон, конечно, негодовал: он считал, что люди подсуживали своему, человеку. Но уговор даже боги соблюдают.

Собрал рассерженный Посейдон всю свою свиту и покинул навсегда эти места. И по мере того как бог уходил, появлялась на месте бескрайнего моря суша. Так и поднялись со дна морского Карелия да Финляндия, Скандинавия да разные острова – от Шпицбергена до Котлина.

Спор царя Петра с королём Карлом, или Как Петербург стал столицей России, находясь на территории врага

Шведский король Карл и русский царь Пётр были заядлыми спорщиками: готовы были спорить на что угодно обо всём на свете. Поэтому на международных конференциях их старались держать поодаль друг от друга. Только увидят, что Пётр оказался на траверсе у Карла – то есть идёт прямо наперерез шведскому королю, чтобы поспорить с ним, пока даже не зная о чём – как тут же невзначай на пути русского царя возникает английский король и начинает расспрашивать о погоде и о здоровье родных. А в это время внимание Карла, уже изготовившегося к жаркой полемике неизвестно по какому поводу, вдруг отвлекает османский султан, принимающийся рассказывать о достопримечательностях Бендер – городка ничем не примечательного, но просто султан не успел придумать более подходящей для отвлечения внимания темы.

Но однажды случилась накладка: персидский шахиншах и негус эфиопский, назначенные в этот раз следить за Петром и Карлом, внезапно сами заспорили о том, чьи ковры лучше (конечно, персидские! – *примеч. автора*) (естественно, эфиопские! – *примеч. редактора*). Тут-то и встретились русский царь Пётр и шведский король Карл...

Они так давно предвкушали эту встречу, что даже не бросились тотчас в спор, а остановились, приосанились, подбоченились, осмотрели друг друга с чувством собственного превосходства и не спеша (но постепенно увеличивая обороты) принялись спорить.

Спор вышел, конечно, с точки зрения обычного человека нелепый: Пётр сказал, что построит город прямо на территории Шведского королевства, причём в его самом медвежьем углу; более того – сделает этот город столицей России. Карл ответил, что этому не бывать, потому что идея Петра – полнейший нонсенс!

Ну, теперь-то мы видим, что в споре победил царь Пётр: он основал Петербург на шведских землях и сделал его столицей, при этом, показывая свою удаль молодецкую, ещё и усложнил себе задачу – всю эту затею с Петербургом он проделал не просто на чужой территории, но, затеяв войну со Швецией, на территории противника! Никто в истории, даже самые отчаянные авантюристы, не устраивали своих столиц на вражеских землях.

Карл, проиграв в споре, решил, что проигрыш ещё и в войне – это уже слишком, удалился в Норвегию и там погиб от горя и разочарования.

Бес-насмешник

В стародавние времена много чудесного в Петербурге происходило. Когда город только начинал строиться, очень ему один бес мешал. Например, возводят строители дома, через несколько месяцев улица появляется. А бес этот неуёмный возьмёт и за ночь все дома перетасует, как карты. Выходят люди поутру из своих домов – и словно из чужих вышли. Ничего не узнают, ничего не понимают: будто накануне вечером пьяные не в свои дома ввалились или словно от любовниц да любовников выходят. Столько драм из-за этого случилось, столько скандалов!

Один раз бес-насмешник царский дворец поменял: вечером зашёл в него царь Пётр, а наутро выходит царь Иван Грозный. Хорошо, что бес уже на следующую ночь прежний дворец вернул – совсем немного людишек успел поубивать Иван Грозный.

Было такое, что все церкви бес-насмешник перетасовал. К примеру, начал службу католический ксёндз, а закончил уже мусульманский мулла. Или в алтарь заходит православный священник, а обратно возвращается ничего не понимающий буддийский лама.

Совсем житья Петербургу от этого беса не стало! Стал город выглядеть хуже Москвы: улицы вкривь да вкось идут, дома будто в кучу навалены, ни одной прямой линии, никакой логики.

Бились русские мастера с ним, бились, да так ничего и не добились. Хотели уже забросить город, на радость шведам. Да только в последний момент кому-то (Как «кому-то»? Царю Петру, конечно же! – *негодующ.*, *примеч. автора*) пришла мысль выписать в Петербург немцев. Те приехали, и началась борьба немецкого орднунга с бесовским беспорядком. В конце концов, сдался бес – ведь известно, что немцы кого угодно переупрямят, где угодно порядок наведут.

С тех пор бес-насмешник в Петербурге не появлялся... Хотя местные – карелы да финны, которые ещё до основания города здесь жили, – утверждали, что это вовсе не бес был, а один из их божков, насмешливый и с прескверным характером. Ещё в допетербургские времена он любил перемешивать деревни да мызы. Так и жили здесь вперемежку финны, карелы, ингры, шведы, немцы, русские.

Петербургское небо

Приезжающему в Петербург из другого города или страны петербургское небо кажется сплошь серым. Некоторые (как правило, скандинавы, голландцы и англичане) умудряются различать несколько оттенков серого.

Но настоящий петербуржец с молодых лет может различить 256 оттенков серого: от свинцово-серого невской воды в период ноябрьского наводнения до прозрачно-лёгкого голубовато-серого петербургского июля.

Серый в Петербурге – уже не цвет, теперь это название целой группы цветов. Более того – это состояние души и сознания. Только настоящий петербуржец разглядит буйство красок там, где человек неместный увидит лишь монотонную серость.

Обитателю джунглей будет неприятно, когда ему скажут, что его окружает однообразный зелёный цвет. Эскимос не согласится, что живёт в царстве белого цвета. Итальянец замашет на вас руками, когда вы ему сообщите, что его Средиземное море – лазурное и только.

Если вы скажете петербуржцу, что его город – серый, как чиновник из комиссии по устройству наискучнейших мероприятий, он вежливо промолчит, но втайне станет вас ненавидеть. И отныне вы в Петербурге уже не купите ничего: ни дома, ни спичек. Даже гроба не купите, в котором вас похоронят, потому что жить после таких слов вам, скорее всего, останется недолго.

Город-солнечные часы

Солнце в Петербурге – редкий гость. Если оно светит над городом неожиданно много дней, петербуржцы начинают волноваться: не грядёт ли конец света?

Впрочем, в первые годы существования города о редком появлении солнца на петербургском небосводе ещё не знали. И один итальянский архитектор и кудесник выдумал хитроумный проект (имя этого итальянца петербургская история не сохранила – потому что история вообще неохотно сохраняет имена авторов неудачных проектов). Проект состоял в том, чтобы превратить город в гигантские солнечные часы. Для этого следовало построить на тщательно вычисленном расстоянии определённое количество зданий с высокими шпилями. Шпили должны были быть пронумерованы. Солнце, проходя через них, указывало бы время. Таким образом небо уподоблялось циферблату, солнце превращалось в часовую стрелку, а шпили становились делениями, обозначающими каждый новый час.

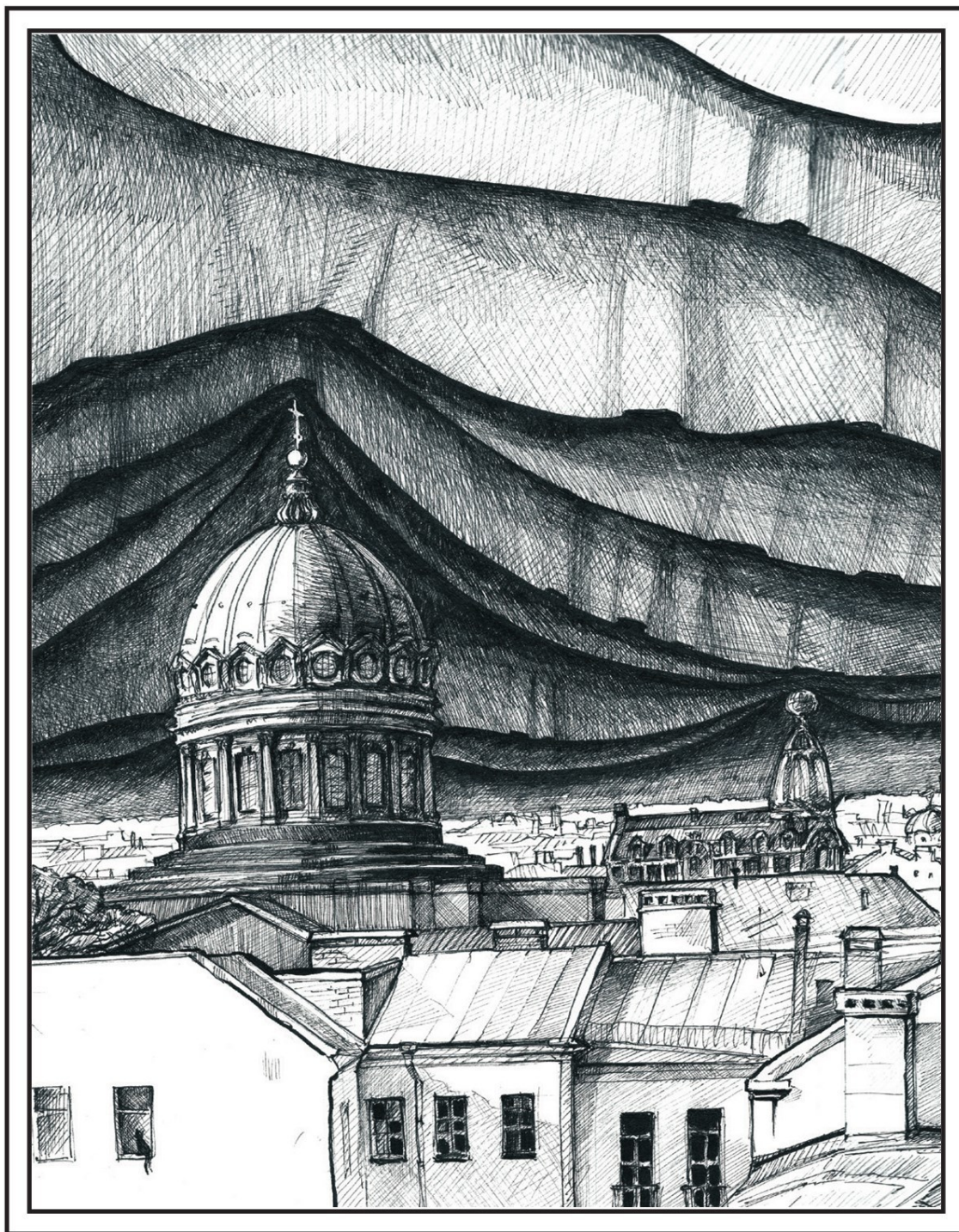
Жаль, что эта блестящая задумка не осуществилась. Почему? Об этом следующая сказка.

Как петербургские шпили небо всё время протыкали

Царю Петру нравилась Северная Европа, и он хотел выстроить Петербург по образу и подобию северных европейских городов: дома с черепичными крышами, кривые узкие улицы, горизонт, утыканный множеством острых шпилей. Почему, вопреки желанию царя Петра, петербургские улицы – прямые и широкие, а крыши – жестяные, я расскажу как-нибудь в другой раз или не расскажу вовсе. А вот историю про то, почему в Петербурге не так уж много шпилей, вы услышите прямо сейчас.

Русские мастера могли возвести небоскрёб без единого гвоздя, а вот строить города на западный манер не умели. Поэтому царь Пётр выписал европейских архитекторов, и те принялись возводить дома, как привыкли: понаделали высоких острых шпилей – как у себя на родине. Но не учли они особенностей петербургского неба. Тучи здесь особенно плотные, забиты дождём под завязку и расположены слишком близко к земле.

И начались в Петербурге потопаы – один за другим. Петербург и так изобиловал реками, а теперь все улицы превратились в реки. Жители уже почти ходить разучились – всё в лодочках по городу плавали. Наконец знаменитый петербургский учёный Ломоносов понял, в чём дело. Он долго наблюдал небо в подзорную трубу и в конце концов выяснил, что причиной беспрестанных дождей являются шпили зданий: тучи, спускаясь всё ниже к земле, напарываются на них, протыкаются во многих местах и заливают Петербург потоками воды.

Опечалился царь Пётр, опечалились и европейские архитекторы, но делать нечего – не жить же в городе, находящемся в состоянии перманентного потопа: стали убирать шпили со зданий. Но видя, как царь Пётр всё больше мрачнеет с очередным демонтажом, его приближённые решили всё-таки оставить пару высоких шпилей – на Петропавловском соборе и на Адмиралтействе. Да ещё несколько невысоких оставили – уж совсем к земле даже петербургские тучи не спускаются. Ну да, сейчас из-за петропавловского и адмиралтейского шпилей дожди заливают Петербург беспрестанно, но уж совсем потопа бывают редко.

Как Невский проспект сквозь лес прорубали

Трудно сейчас представить, что на месте многолюдного Гостиного двора некогда шумела берёзовая роща, а горделивый Екатерининский канал, закованный в гранитные доспехи, был когда-то маленькой лесной речкой, вытекавшей из болота. А Невский проспект... Да его и вовсе не было! (Вот уж это действительно трудно себе представить! – *то ли саркастич., то ли ошеломлённ. примеч. автора*).

В первые годы по основании Петербурга горожане всё по берегам Невы да впадающих в неё маленьких речек селились. Боялись они уходить далеко от берега – кругом были дремучие леса и болота, в которых, по убеждению горожан, жила всякая нечисть: лешие, водяные, бабаи, листины, пущевики, ауки, боли-бошки, чухонцы... Да-да, даже местных чухонцев, чьи селения бесстрашно располагались в непролазной чаще и среди болот, петербуржцы считали лесной нечистью!

Горожан понять можно: если лешие да водяные населяли леса коренных русских губерний, откуда родом были первые жители Петербурга, то почему же всей этой нечисти не должно быть здесь – в мрачных чухонских лесах?

Даже наводнения, часто досаждавшие петербуржцам, не могли принудить их удалиться вглубь материка – горожане тонули, теряли в расвирепевших волнах имущество, но крепко держались берега. Даже указы грозного царя Петра, желавшего расширять город во всех направлениях, были бессильны – петербуржцы готовы были сносить суровые наказания, но только не жить в дремучем лесу и не дрожать еженощно от страха повстречать на пороге своего дома бабая, или на тропинке – пущевика.

Царь Пётр, признаться, и сам немного побаивался углубляться в лес – ведь ему (как и любому русскому человеку – что царю, что батраку) многочисленные мамы да няньки рассказывали в детстве про всю эту нечисть. С другой стороны, Пётр – как человек, получивший европейское образование и побывавший на просвещённом Западе, – понимал, что всё это старушечьи побасёнки и дремучие суеверия.

В конце концов царь решился: или он одолеет лес, или лес – его! И приказал прорубать широкую просеку прямо к Александро-Невскому монастырю, находившемуся на довольно удалённом расстоянии от города. Народу это было подано в царском указе так: «Нечего крюк здоровый делать, плавая по Неве до монастыря! Напрямую удобнее, и гнев Посейдона отныне будет не страшен».

Но как до этого отвадить петербуржцев от берега Пётр при всей своей грозности не сумел, так и сейчас набрать охотников прорубать перспективу не смог. Набралось немного чухонцев (которых просвещённый Пётр нечистью не считал) – для них лес был домом родным, а лесная нечисть – соседями. Да ещё гвардейцы Преображенского и Семёновского полков без лишних разговоров за своим царём пошли – им было без разницы, с кем бороться: хоть со шведом, хоть с лешим.

Вот это наше упоминание о шведах оказалось как раз кстати! Царь Пётр сразу вспомнил, что у него достаточно уже накопилось пленных шведов – ведь их тоже можно взять с собой прорубать перспективу. Идея была беспроигрышной по двум соображениям. Во-первых, шведы – пленные и по своему положению не имеют особых возможностей пререкаться и воротить нос. Во-вторых, шведы – иноземцы, и до русской нечисти им, по идее, нет никакого дела.

– Вам нет никакого дела до нашей нечисти? – на всякий случай уточнил царь Пётр у шведов.

– Ровным счётом никакого. Плевать мы на неё хотели, тем более, что не знаем ни одной, – невозмутимо подтвердили шведы предположения Петра.

– Вот и прекрасно! Тогда завтра же начинаем прокладывать дорогу.

Шведы не нашли логики в словах Петра: как могут соотноситься русская нечисть и прокладка дороги? Но поскольку они были пленные, то в дискуссию вдаваться не стали.

Итак, местные чухонцы, пленные шведы и преображенцы с семёновцами, во главе с царём Петром, начали прорубаться от Адмиралтейства к Александро-Невской лавре. Принялись дружно за работу, но не успели ещё и версты пройти, как вдруг из густого ельника (где-то в районе нынешней Большой Морской улицы) навстречу работникам выходит старичок небольшого роста. Пётр и его гвардейцы сразу поняли, что перед ними сам хозяин леса – леший. Чухонцы тоже, наверняка, узнали своего соседа, но вида не подали – очень невозмутимый народ. А шведы – те вообще ничего не поняли.

Говорит старичок Петру:

– Привет тебе, царь Пётр!

– И тебе, дедушка, привет! – отвечает Пётр.

– Царь, я к тебе уважение имею: ты могучий и грозный – не то, что твой тишайший папенька. Людишек своих ты напугать можешь не хуже меня. Но только вот тебе мой совет: не ходи ты дальше, не надо. Что тебе, Невы да морского побережья мало? Ты же, насколько я слышал, море любишь да морское дело уважаешь. Зачем тебе вдруг дебри лесные понадобились?

Не сразу ответил могучий царь. На первый взгляд – справедливы слова лесного владыки. Но на второй взгляд – всё не так просто. Отвечал Пётр, вздохнув:

– Эх... Всё так: люблю я море и дело морское уважаю. Но как бы я море ни любил, Россия-то, чай, не на островах находится, не Британия какая-нибудь. Нам к морям прорубаться надо, а суши у нас – сколько угодно. И суша наша вся лесом бескрайним покрыта – Россия ведь не в киргизских степях раскинулась. Так что без леса нам никак не обойтись, рано или поздно мы бы пришли сюда, уж не обессудь.

Крепко призадумался тут леший.

– А что будет, если дальше пойду? – любопытствует царь.

– Да ничего хорошего не будет. С тобой уж точно... Вот, видишь эти древние камни, которые твои работники разметали, чтобы путь расчистить? Так вот, часть этих камней в тебе окажутся, и найдёшь ты через них свою погибель раньше времени. А деревья вековые видишь, которые вы срубили, да гатями в болота уложили? Вот так же после смерти твоей, царь, флот твой любимый сгниёт, брошенный в полнейшем небрежении твоими наследниками.

Теперь уж настал черёд царю Петру крепко призадуматься. Тут подходит к царю его приближённый, знаменитый колдун и чернокнижник Яков Брюс. И говорит:

– Не печалься так сильно, царь. Старец сей, конечно, правду сказал, да не всю. Да, флот при ближайших твоих преемниках их небрежением в изрядную ветхость придёт. Но зато позже возродится в ещё большей славе. То, что не удастся сделать тебе – вывести русский флот на океанские просторы, произойдёт в последующие столетия.

Насчёт же камней в организме Петра, от которых самодержцу погибель уготована, – о том Брюс умолчал. Тут он никак не мог царя обнадѣжить.

Петру же хватило и доброй вести о флоте – ободрился он и молвил:

– Изрядно ты меня пострадал, дедушка, а теперь посторонись, работа не ждёт!

– Как знаешь, – печально вздохнул леший и исчез.

Долго ли, коротко ли (вообще-то, коротко ли – *иронич. примеч. автора*), но дошла просека до реки Мьи. Смотрят: на другом берегу стоит гигантская дева со щитом и копьём, глаза большущие, золотые волосы волнами по плечам распущены, обширная грудь от гнева так и вздымается – любо-дорого посмотреть. Кто же мог подумать, что это сама местная Богиня Смерти?! Ну, чухонцы могли так подумать – они ведь не раз её видели. Но чухонцы и на сей раз сохраняли удивительную невозмутимость.

Увидела дева среди работников царя Петра и громогласно объявила:

– Остановись и не переходи эту реку! Если же ты будешь упорствовать в своём деле, то знай, что не будет у тебя прямого наследника престола!

– Так ведь он у меня уже есть – сын Алексей, – возразил царь Пётр.

– Нет, не будет у тебя прямого наследника! – с пафосом настаивала дева и затем уже спокойнее добавила. – Если перейдёшь реку, конечно же.

Пётр подумал и решил пойти на хитрость: он и не станет переходить реку Мью – он возведёт широкую насыпь, разделит реку надвое и пройдёт по земле, будто и нет никакой реки. Сказано – сделано.

Но Богиню Смерти, даже не крупную, местную, не обманешь. Увы, позже пошёл сын против своего венценосного отца и погиб жалкой смертью. Не стало у царя Петра прямого наследника – исполнилось пророчество.

Когда довели першпективу до берёзовой рощи (там, где сейчас стоит Гостиный двор), вдруг, впервые за много дней (или за много лет), выглянуло солнце. Решили по этому поводу учинить небольшое застолье и отдохнуть немного. Посидели, потом разбрелись в разные стороны, отдыхать. Заблудиться не боялись – разве заплутаешь в берёзовой роще? Прошло время и стали созывать всех, скликать, аукать. И ничего не получается – со всех сторон вроде отвечают, аукуют, а никто не идёт. Позже все одно вспоминали: со всех сторон «Ау!» слышится, а куда ни пойдёшь – никого нет.

Тут иные из петровских гвардейцев смекнули: это Аука шалит, аукает там, где нет никого, по лесу водит. Закручинился Пётр: этак он сейчас в трёх берёзах всех работников растеряет, ни с чем возвращаться придётся. Тут вдруг осенило царя! Велит он трубачу играть боевую тревогу. И, как по волшебству, начинают появляться перед ним преображенцы, семёновцы и пленные шведы. С боевой трубой не может тягаться даже самый матёрый Аука: солдат к трубе выйдет даже если все лешие, эльфы, сатиры и ванахальбы соединятся вместе, чтобы сбить его с пути. В конце концов собрались к Петру его гвардейцы и пленные шведы. Но чухонцы (которым боевая труба – что карканье вороны) так и не появились... Дождаться не стали, пошли дальше путь прокладывать.

Выходят к какой-то речке, а она кривая, как путь пьяницы. Вьётся перед глазами, с пути сбивает – чуть было вкривь першпективу не повели. Видит Пётр: опять заминка. Созывает совет. Снова выступает вперёд колдун Брюс и говорит царю:

– Если хочешь, чтобы эта речка перед тобой не мельтешила, оставь её за собой.

Честно говоря, Брюс и сам не очень понял, что сказал. Зато царь всё прекрасно понял.

– И то дело! – молвит Пётр. – А ну-ка, братцы, навались!

Схватили всем миром эту речку, а она извивается, не даётся в руки. Но крепко её держат. Тогда царь следующую команду даёт:

– А теперь разом её за спину кидай!

Поднатужились все да и швырнули речку назад. Шмякнулась она где-то между Мьёй и берёзовой рощей да и притихла с тех пор – здорово, видать, ушиблась при падении. Но прежняя её природа до сих пор видна: извивается, из стороны в сторону бросается. Но это так получилось уже из-за тех, кто её кинул на новое место: у кого сколько сил было – тот на такое расстояние и метнул речку. Например, могучие преображенцы с семёновцами да шведские здоровяки каролинеры далеко от себя речку закинули. А какие-нибудь шведские писари да обозные, измождённые долгим пленом – те и бросили слабо, и улетела речка недалече.

Реку эту прозвали Кривушей, а сами дальше пошли. Вдруг слышат: кто-то сзади шумит, нагоняет их. Ну, думают, опять какая-то нечистая сила мешать им вздумала, или разбойники напасть хотят. Царь Пётр тут же приказал гвардейцам примкнуть штыки и строиться в каре, безоружных шведских пленников в середину поставили. Присмотрелись и глазам не поверили: это ж те самые чухонцы, которые в берёзовой роще потерялись! Тут же кинулись спрашивать, как они от Ауки отвязались. На это один старый чухонец отвечает: да, далеко увёл

их Аука, но прежде чем все окончательно в болотах не сгнули, он успел вспомнить нужное заклинание: «Шёл, нашёл, потерял». Аука и отстал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.